

ЛЕТНЯЯ КНИГА

УТРЕННЕЕ КУПАНИЕ

Всю ночь лил дождь, его сменил жар раннего июльского утра. Голые склоны горы уже высохли, но мох в расщелинах еще хранил в себе влагу, и все краски казались ярче обычного. Внизу, под верандой, буйствовал настоящий тропический лес, окутанный утренней дымкой. Трава и цветы, как назло, росли так густо, что того и гляди обломишь какой-нибудь стебелек, поэтому бабушка осторожно шарила между цветами, прикрывая одной рукой рот и каждую секунду рискуя потерять равновесие.

— Что ты делаешь? — спросила София.

— Ничего особенного, — ответила бабушка. — То есть я хотела сказать, что ищу свою вставную челюсть, — добавила она сердито.

Девочка спустилась с веранды и деловито поинтересовалась:

— Где ты ее обронила?

— Здесь. Я стояла на этом самом месте, она и упала сюда, в пионы.

Бабушка и внучка принялись за поиски вместе.

— Давай я поищу, — сказала София. — Ведь тебе трудно стоять на четвереньках. Пусти-ка.

Девочка нырнула под цветочную крышу и поползла между зелеными стеблями по мягкой черной земле. Ух, как тут было здорово, в этом запретном царстве! А вон и зубы — белые, острые, целая челюсть!

— Нашла! — София поднялась. — На, вставь их.

— Только не смотри на меня, — сказала бабушка, — я стесняюсь.

София спрятала руку с челюстью за спину:

— А я хочу посмотреть.

Тогда бабушка быстро вставила зубы, и оказалось, что ничего интересного в этом нет.

— Бабушка, а когда ты умрешь? — спросила София.

— Скоро. Но тебя это не касается.

— Почему?

Бабушка не ответила, она шла все дальше по склону к ущелью.

— Туда нельзя! — закричала София.

Бабушка презрительно взглянула на нее:

— Знаю. Папа не разрешает нам ходить в ущелье. Но мы можем успеть, пока он спит.

Они медленно спускались с горы, мох скользил под ногами, солнце поднялось еще выше и высушило последнюю влагу, теперь, казалось, весь остров купался в солнечном свете. Было очень красиво.

— И тебе выроют яму? — участливо спросила София.

— Конечно, — ответила бабушка. — Большую яму. — И лукаво добавила: — Нам всем места хватит.

— Почему?

Они шли к мысу.

— Так далеко я еще никогда не заходила, — сказала София. — А ты?

— И я тоже.

Вот и мыс. Гора в этом месте спускалась в воду темными террасами, и каждый такой шаг в темноту был окантован светло-зеленой бахромой из водорослей, которые то набегали с волной на каменную площадку, то снова уходили в море.

— Я хочу купаться, — сказала София.

Она ждала, что бабушка возразит, но та будто и не слышала ее слов. София стала раздеваться, медленно и опасно, не очень-то доверяя молчаливому согласию бабушки.

Ледяная вода обожгла ноги.

— Холодная.

— Конечно холодная, — сказала бабушка, все еще погруженная в свои мысли. — А ты как думала?

София вошла в воду по пояс и остановилась.

— Плыви, — подбодрила ее бабушка. — Ну, что же ты?

«Тут же глубоко, — подумала София. — Она, наверное, забыла, что я еще ни разу не плавала одна на глубине». Девочка вылезла из воды, уселась на камне и сказала как ни в чем не бывало:

— Сегодня будет отличный денек.

Солнце поднялось совсем высоко. Остров и море блестели, залитые солнечными лучами, воздух казался невесомым.

— Я умею нырять, — сказала София. — А ты знаешь, как ныряют?

— Конечно, — ответила бабушка. — Нужно собраться с духом, разбежаться и прыгнуть, вот и все. Чуть заденешь ногами листья фукуса¹, коричневые такие, знаешь, и скользишь вниз, задержав дыхание. Вода вокруг светлая и прозрачная, только пузырьки бегут наверх, а ниже все темнее и темнее. Потом поворачиваешься, поднимаешься на поверхность и делаешь вдох. Ну и плывешь. Просто плывешь к берегу.

— И все время с открытыми глазами.

— Еще бы! Ныряют всегда с открытыми глазами.

— Ты веришь, что я умею нырять, можно не показывать? — спросила София.

— Верю, верю. Одевайся, пойдем скорей домой, пока папа не проснулся.

«Не много мне теперь надо, чтобы устать, — подумала бабушка. — Как только вернемся, прилягу отдохнуть. И не забыть бы сказать ему, что ребенок до сих пор боится глубины».

ЛУННЫЙ СВЕТ

Это случилось в полнолуние, в апреле, когда море было еще покрыто льдом. София проснулась и вспомнила, что они вернулись на остров и что спит она теперь на маминой кровати, потому что мама умерла. В печке вовсю полыхал огонь, языки пламени, казалось, доставали до самого потолка, к которому были подвешены для просушки сапоги. София спустила на холодный пол босые ноги и подошла к окну.

Лед был черный, и на нем, посреди этой черноты, София увидела за открытой заслонкой полыхающий в печке огонь — и даже два огня, один подле другого. Во втором окне на земле тоже горели два костра, а в третьем дважды отражалась вся комната, с чемоданами, сундуками и ящиками с откинутыми крышками, а в ящиках, чемоданах и сундуках этих было полным-полно мха,

---

¹ Фукус — род бурых водорослей. — Здесь и далее примеч. перев.

снега и пожухлой травы. И все это посреди крошечной тьмы. Софии показалось, что вдали, на горе, она разглядела рябинку, а неподалеку от нее двух детей. И темно-синее небо над ними.

София снова легла на кровать и стала смотреть на огонь, плясавший на потолке, и, пока она лежала, остров постепенно двигался на их дом, все ближе и ближе. И вот они уже спали на прибрежном лугу, на ее одеяле белели снеговые пятна, а остров все наступал. Кровати заскользили по черному льду, в полу раскрылся узкий фарватер, и все их чемоданы и сундуки выплыли по нему на лунную дорожку. Полные тьмы и мха, они были открыты и покидали их дом навсегда.

София протянула руку и осторожно тронула бабушку за косу. Бабушка сразу же проснулась.

— Послушай, — прошептала София, — я видела два огня в окне. Почему там два огня, а не один?

Бабушка задумалась и ответила:

— Потому что у нас двойные рамы.

Помолчав минуту, София спросила:

— Ты точно знаешь, что наша дверь заперта?

— Она открыта, — сказала бабушка. — Она всегда открыта, спи спокойно.

София завернулась в одеяло. Она подождала, пока весь остров не выплыл на лед и не стал удаляться к горизонту. А когда София уже засыпала, встал с постели папа, чтобы подбросить дров в печь.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЛЕС

На противоположной стороне острова, за горой, стоял мертвый лес. Там всегда дул ветер. Вот уже много сотен лет лес пытался расти вопреки бурям и поэтому стал не похожим ни на один другой лес в мире. Проплывая мимо на лодке, можно было увидеть, как ветер ломал и корежил каждое деревце, заставляя их чуть ли не ползком ползти по земле. Постепенно некоторые деревья, не выдержав натиска, ломались и падали и, догнивая свой век, где подпирали, а где придавливали еще уцелевшие и зеленеющие верхушками — так в один клубок тесно сплетались упрямство и покорность. Земля была устлана бурой хвоей, кроме тех мест, где ели, повинувшись судьбе, стелились по земле, они рос-

ли с неумолимой жадностью, влажные и блестящие, как деревья в джунглях. Этот лес называли заколдованным. За долгие годы борьбы он сам нашел себе форму, и равновесие между жизнью и смертью было столь ненадежно, что малейшее изменение таило в себе беду. Нельзя было ни вырубить просеку, ни убрать упавшие деревья — и то и другое могло бы привести к гибели всего заколдованного леса. Невозможно было осушить почву и вырастить что-нибудь за этой плотной, непроходимой стеной. Где-то в глубине за зарослями кустарника, в вечном полумраке, жили птицы и мелкие звери, в тихую погоду оттуда доносились шуршание крыльев и торопливый топоток лап. Но редко когда можно было увидеть этих зверей и птиц. Вначале, когда семья только поселилась на острове, папа с Софией решили сделать заколдованный лес еще таинственней, чем он был. Для этого они свезли на берег старые пни и сухие ветви можжевельника с соседних островков. Эти причудливые коряги, белесые от ветра и воды, были по-своему красивы. Когда их затаскивали наверх, они трещали и обламывались, оставляя за собой широкую колею. Бабушке это занятие не нравилось, но она только молча мыла лодку, терпеливо ожидая, когда папе и Софии надоест заколдованный лес. И тогда она стала наслаждаться им в одиночестве. Она не спеша пробиралась сквозь заросли папоротника, обходя болотную воду, потом, утомившись, ложилась на землю и разглядывала небо сквозь завесу из серого мха и веток. Когда она возвращалась и ее спрашивали, где она пропадала, бабушка отвечала, что, кажется, немного вздремнула.

За лесом, в глубине острова, наоборот, царили чистота и порядок, как в парке. На земле, пропитанной весенними дождями, не валялось ни веточки, к морю вели узкие аккуратные тропинки. Только дачник или совсем уж неотесанная деревенщина пойдет прямо по мху. Им невдомек, сколько ни повторяй, что мох самое нежное растение, какое только бывает. Наступишь на него один раз — он поднимется после дождя, наступишь второй раз — уже не поднимется. А наступишь в третий раз — умрет вовсе. Это все равно что гага: стоит спугнуть ее с гнезда три раза — и она уже никогда не вернется туда.

Где-то в середине июля надо мхом вырастает красивая высокая трава. Зацветают, развеваясь на ветру, легкие метелки, и тогда

весь остров, истомленный июльской жарой, на неделю одевается в невесомое полупрозрачное покрывало. Невозможно вообразить себе ничего более первозданного и нетронутого, чем этот летний пейзаж.

В заколдованном лесу бабушка любила вырезать из дерева диких зверей. Ветки и сучья превращались в ее руках в звериные лапы и морды со смутным, едва понятным выражением. Фигурки таили в себе древесную душу, изгибы их спин и лап сохраняли присущие растениям необычные формы, они все еще были частью гниющего леса. Иногда бабушка вырезала их прямо из пня или ствола. Этим деревянным существам становилось все больше и больше. Они сидели, прочно насаженные верхом на ствол, и повисали на ветвях или безмятежно дремали у корней, спустив простертые руки в болотную воду. Иногда из сумерек выглядывал только один силуэт, иногда же сразу два или три, слитые воедино в схватке или любви. Бабушка резала по старому дереву, уже нашедшему свою форму, она выбирала такие стволы и ветки, которые выражали то, что она хотела.

Однажды она нашла в песке большой позвонок какого-то животного. Позвонок был слишком тверд, чтобы его обрабатывать, но и без того красив, так что она просто принесла и оставила его в заколдованном лесу. Она нашла еще несколько костей, выброшенных морем на берег, белых или посеревших от старости.

— Чем это ты занимаешься? — спросила как-то раз София.

— Играю, — ответила бабушка.

София забралась в заколдованный лес и увидела там бабушкиных чудищ.

— Это что, выставка скульптур? — спросила она.

— Ничего похожего, — ответила бабушка, — скульптуры — это совсем другое.

Они стали собирать кости вдвоем. Собирать что-нибудь — дело особое, в это время голова только тем и занята. Если, например, ищешь бруснику, взгляд твой ловит только красное, а если кости — то белое, и, где бы ты ни находился в это время, не замечаешь ничего, кроме костей. Иногда попадаются тонкие, как иглы, очень красивые и острые, такие кости несешь с большой осторожностью. А иногда наткнешься на огромную бедренную кость или каркас из ребер, похороненный в песке, похожий на шпан-

гоут с затонувшего корабля. Этих костей существуют тысячи, и все разные.

Все свои находки бабушка с Софией относили в заколдованный лес, обычно они ходили туда вечерами. Под деревьями они складывали белые узоры, словно знаки тайнописи, а закончив, садились отдохнуть, поговорить и прислушаться к птицам, спующим в кустарнике. Один раз они увидели, как оттуда вылетел терев, а в другой — заметили небольшую сову, сидящую на ветке. Ее очертания были хорошо различимы на фоне вечернего неба. Раньше совы никогда не прилетали на остров.

Однажды утром София нашла потрясающий череп какого-то большого животного, нашла совершенно самостоятельно. Бабушка сказала, что это, наверное, череп тюленя. Они спрятали его до вечера в корзину. Закат в этот день был особенно ярким, зарево разлилось по всему острову, так что даже земля казалась багровой. Они затащили череп в заколдованный лес. Он стоял там, сверкая оскаленными зубами. Вдруг София заплакала.

— Убери! — кричала она. — Убери его!

Бабушка молча прижала девочку к себе. Скоро София заснула. Сидя рядом, бабушка думала, как хорошо было бы построить на берегу дом из спичечных коробков, с черничной лужайкой позади. А крыльцо и окна сделать из серебряной бумаги.

С тех пор деревянные чудища были забыты в своем лесу. Узоры из костей постепенно утонули в земле и поросли зеленым мхом, деревья еще теснее сплелись в объятиях ветвями. На закате бабушка частенько одна навещала заколдованный лес. А днем она сидела на ступеньках веранды и мастерила из коры кораблики.

ГАГАРКА

Однажды перед рассветом в комнате стало очень холодно. Бабушка натянула на себя лоскутное одеяло, сняла со стены несколько плащей и укрылась ими, но и это мало помогло. Она считала, что холодом тянет с болота. Болото своенравно. Вроде засыпали его камнями и песком, заложили старыми бревнами и построили сверху сарай для дров, а все равно оно не дает о себе забыть. Ранней весной болото начинает дышать, а над коркой льда появляется туман, напоминая о том времени, когда на этом

месте чернела вода и росла пучками осока. Бабушка взглянула на погасшую керосиновую печку, потом на часы. Они показывали три. Встав и одевшись, она взяла палку и спустилась по каменным ступеням. Ночь была тихая, и ей вдруг захотелось послушать, как кричат гагарки.

Постепенно туман растекался над всем островом, а вокруг стояла такая тишина, какая бывает у моря только в начале мая. В этой тишине отчетливо раздавался звук падающих с веток капель, земля была еще голой, а на северной стороне острова пятнами лежал снег. Природа замерла в ожидании перемен.

Бабушка слышала крик гагарок; наверное, их так называли, потому что они кричат: «Гагр, гагр, гагр!» — всегда издали, эти птицы не показываются людям. Они так же пугливы, как коростель, только коростель живет одиноко, скрываясь в луговой траве, а гагарки по весне устраивают где-то за островами шумные свадебные танцы и поют ночи напролет.

Размышляя о птицах, бабушка медленно шла вдоль горы. Пожалуй, никакой другой живности не дано с такой силой выявлять суть событий и придавать им завершенность, переживая вместе с природой все ее превращения, будь то чередование времен года, или погодные изменения, или перемены, которые происходят в тебе самом.

Она думала о дроздах, поющих летними вечерами, о кукушках, да, и о кукушках, о больших безмятежных птицах, парящих над морем в поисках добычи, о крошечных пичужках, залетающих сюда по пути с кратким летним визитом, об этих глупых, беспечных комочках, о ласточках, выющих свои гнезда только на тех домах, где царят мир и счастье. Странно, что именно с птицами, безликими птицами, связано так много примет. А может, и не странно. У нее самой гагарки всегда рождали предчувствие обновления. Осторожно ступая негнуцимыми ногами, бабушка обошла гору и, вернувшись к дому, постучала в окно. София тут же проснулась и вышла.

— Я иду послушать гагарок, — сказала бабушка.

София оделась, и они пошли вместе.

На восточной стороне острова возле скал оставалась узкая полоска льда. Еще не начали запастись топливом, и весь берег был завален горами досок, фукусом и тростником, валялись де-

ревянные обломки и разломанные ящики, кое-где перехваченные стальной проволокой, а поверх всего этого наискось лежало огромное тяжелое бревно, перепачканное черной смолой. Мелкие обломки лодок, следы давних штормов и бурь, плавали в воде за кромкой льда, то медленно приближаясь, то снова отдаляясь от берега на волнах слабого прибоя. Солнце почти поднялось, и лучи его пронизывали туманную завесу над морем.

Все время были слышны отдаленные мелодичные крики гагарок.

— Их становится все больше и больше, — сказала София.

Солнце взошло, на какое-то время туман заблестел, а вскоре совсем растаял. На берегу на скалистом выступе лежала мертвая гагарка; вся мокрая, она была похожа на скомканный пластиковый пакет. София сказала, что это старая ворона, но бабушка с ней не согласилась.

— Но ведь сейчас весна! — настаивала София. — Ты же сама сказала, что гагарки сейчас женятся, значит они молодые и умрут еще не скоро.

— Тем не менее эта умерла.

— Тогда почему она умерла? — гневным голосом спросила София, она очень рассердилась.

— Из-за несчастной любви. Всю ночь она пела и звала своего возлюбленного, но вместо него прилетел чужак, и тогда она бросилась с горя в воду и утонула.

— Неправда! — закричала София и заплакала. — Гагарка не может утонуть, расскажи как следует.

И бабушка рассказала, что, конечно же, эта гагарка разбилась, когда летела, распевая свои песни, и в упоении не заметила, как наскочила на скалу. Вот и случилось то, что случилось, потому что гагарка потеряла голову от счастья.

— Вот теперь лучше, — сказала София. — Давай ее похороним.

— Не стоит. Когда начнется прилив, это произойдет само собой. Морские птицы должны быть погребены так же, как моряки.

Бабушка и София пошли дальше, разговаривая о том, как хоронят моряков. Издалека доносилась переключка гагарок. За зиму мыс изменился до неузнаваемости. Раньше здесь были только скалы и камни, а теперь штормы нанесли песка, так что мыс превратился в песчаный пляж.

— Жаль, что это ненадолго, — сказала бабушка и показала палкой на песок. — Когда вода поднимется и подует северный ветер, все это снова уйдет в море. — Она вытянулась во весь рост на ворохе побелевшего тростника и стала смотреть в небо. София пристроилась рядышком. Солнце пригревало.

Они долго лежали и слушали, как воздух постепенно наполнялся дробным криком перелетных птиц, нескончаемой стаей тянувшихся к северо-востоку.

— Что теперь будем делать? — спросила София.

Бабушка предложила ей пройтись по мысу и посмотреть, не выбросило ли на берег что-нибудь интересное.

— А ты не будешь скучать? — спросила София.

— Не буду.

Бабушка повернулась на бок и подложила руку под голову. В маленький треугольник, образовавшийся между рукавом, шляпой и ветками тростника, был виден кусочек неба, моря и песка. Неподалеку торчал сухой пучок травы, а в ее острых стеблях застряло птичье перо. Некоторое время бабушка разглядывала эту хрупкую конструкцию: прямые белые прутики пронизывали невесомое глянцевое перышко бледно-коричневого цвета, чуть потемнее у основания и с маленьким игривым завитком на конце. Перо колебалось от потоков воздуха, которых бабушка даже не ощущала. Оно находилось как раз на таком расстоянии, что она могла хорошенько его рассмотреть. Странно, что перо оказалось здесь в эту пору; может быть, какая-то птица потеряла его ночью или оно застряло тут с прошлого лета. Она рассматривала круглые ямки в песке вокруг пучка травы и прядки водорослей, опутавшие толстые стебли. Тут же валялся обломок лодки. Если долго на него смотреть, он покажется большой старой горой, изрытой кратерами и воронками. Исполненная мрачной красоты, эта гора нависла над серым песком, придавив собственную тень. Ранним утром небо и море были абсолютно чистыми.

Вприпрыжку подбежала София.

— А я нашла настил, — сообщила она еще издали. — Большой, с настоящего корабля! Длинною с лодку!

— Не может быть, — сказала бабушка.

Стараясь не делать резких движений, она стала медленно подниматься и заметила, как перо выпуталось из прутьев и легкий

ветерок относит его в сторону. Бабушка осторожно поднялась, теперь все казалось меньше, и перо потерялось из виду. Она сказала:

— А я видела перышко гагарки.

— Какой гагарки? — удивилась София. Она уже успела позабыть о птице, погибшей от любви.

ВЕРОНИКА

Однажды летом к Софии в первый раз в жизни приехала гостья, ее новая подружка. Они совсем недавно познакомились, у девочки были красивые волосы, Софии они очень нравились. Звали девочку Хердис Эвелине, но чаще — просто Недотрогой.

София предупредила бабушку, что Недотрога не любит, когда спрашивают, как ее зовут по-настоящему, и что вообще она всего боится, поэтому на первых порах с ней нужно держаться очень осторожно, чтобы не напугать чем-нибудь незнакомым. И вот Недотрога приехала. Одета она была чудно, в ботинках на кожаной подметке, вела себя чересчур воспитанно, слова из нее не вытянешь, зато волосы были так прекрасны, что дух захватывало.

— Правда, красивые? Сами выются, — шепотом сказала София бабушке.

— Очень красивые, — согласилась бабушка.

София и бабушка заговорщически переглянулись. Переведя дыхание, София сказала:

— Я решила защищать ее. Давай создадим тайный союз защитников Недотроги. Жаль только, что «Недотрога» звучит неаристократично.

Бабушка предложила называть девочку Вероникой, разумеется в кругу членов тайного союза, это имя царицы, прославившейся своими прекрасными волосами, в ее честь даже называли созвездие.

Пока шли эти чрезвычайно важные переговоры, Недотрога, маленькая и незащищенная, бродила по острову одна-одинешенька. София поспешила вернуться к своей гостье, не рискуя оставлять ее надолго. Бабушка тем временем прилегла в своей комнате и спустя некоторое время услышала, как София, сопя, спешно поднимается по ступенькам. Дверь с грохотом распахнулась,

София влетела в комнату, плюхнулась к бабушке на кровать и зашептала:

— С ума сойти! Она не хочет учиться грести, потому что боится залезть в лодку. Говорит — вода холодная. Что будем делать?

Они наспех обсудили эту новость и не пришли ни к какому решению, потом София снова выбежала из комнаты.

Эту комнату пристроили к дому позже, поэтому она была необычной формы. Она лепилась прямо к просмоленной задней стене дома, ставшей теперь одной из стен этой комнаты, на ней по-прежнему висели сеть, болты, веревки и прочие необходимые вещи. Потолок — продолжение крыши — был сильно скошен, а сама пристройка стояла на сваях, потому что как раз на этом месте, между домом и дровяным сараем, где когда-то было болото, гора круто спускалась вниз. Кроме того, рядом росла сосна, поэтому в длину комната была не больше кровати, — иными словами, это был маленький коридорчик, выкрашенный в голубой цвет, с дверью и прибитыми над нею ящиками с одной стороны и непропорционально большим окном с другой. Окно доставало почти до самого потолка, а левый угол его был срезан крышей. На белых спинках кровати красовался голубой с золотом орнамент. В подполе хранились канистры с бензином и смолой, ящики, лопаты, лом, старые садки для рыбы и другое барахло, которое жалко было выбросить. Словом, что и говорить, комната эта была уютным уединенным уголком. Бабушка отвлеклась от мыслей о Веронике и снова погрузилась в свою книгу. Лежа на кровати, она прислушивалась к легкому зюйд-весту, гулявшему вокруг дома и по всему острову, к радио в большой комнате, передававшему прогноз погоды, и следила за солнечным лучом, скользящим по подоконнику.

Вдруг дверь с шумом распахнулась, и в комнату вошла София:

— Она плачет, потому что боится муравьев, они ей всюду мерещатся. Стоит на одном месте и вот так смешно задирает ноги — и все время плачет. Что нам с нею делать?

Было решено выбрать наименьшее из двух зол: посадить Веронику в лодку — там по крайней мере нет муравьев. Бабушка снова углубилась в чтение.

В ногах ее кровати висела картина с изображением отшельника, которую она очень любила. На цветной репродукции, вы-

резанной из книги, была изображена пустыня в сумерках: высохшая земля и небо. А посередине, в открытой палатке, лежал отшельник и читал книгу. Рядом с кроватью стоял ночной столик с керосиновой лампой. Все это: палатка, кровать, столик и круг света от лампы — занимало почти так же мало места, как и сам отшельник. А вдали, едва различимый в сумерках, сидел лев. Софии казалось, что этот лев таит в себе опасность, а бабушка считала, что он, скорее, охраняет отшельника.

Когда дует зюйд-вест, кажется, что дни сменяют друг друга незаметно, круглые сутки только и слышен равномерный, спокойный гул. В такое время папа не разгибаясь сидит за письменным столом. Рыбаки ставят и снимают сети. Каждый на острове занят своим обычным делом, настолько само собой разумеющимся, что о нем не говорят ни для того, чтобы похвалиться, ни в поисках сочувствия, и кажется, что лето тянется бесконечно, все живое только и делает, что растет с отмеренной ему скоростью. Поэтому появление Вероники (назовем ее этим тайным именем) внесло в жизнь острова неожиданные осложнения. Здешним жителям было невдомек, что девочке непривычен сам их размеренный быт, в такт медленному летнему ритму. Больше, чем моря, шума деревьев в ветреную ночь и муравьев, она боялась их самих с их особым укладом жизни.

На третий день София вошла к бабушке в комнату и заявила:

— С меня хватит, надоело. Еле-еле уговорила ее нырнуть.

— Неужели она нырнула? — удивилась бабушка.

— Ну да. Правда, для этого пришлось столкнуть ее в воду.

— А-а. Ну и что дальше?

— Ее волосы плохо переносят соленую воду, — с грустью заметила София. — Они стали такие противные. А она мне нравилась как раз из-за волос.

Бабушка сбросила одеяло и поднялась с кровати. Она взяла свою палку и спросила:

— Где она сейчас?

— На картофельном поле.

Бабушка отправилась через весь остров на картофельное поле. Оно находилось с подветренной стороны, среди скал, чуть выше моря, там с утра до ночи палило солнце. На этом поле, расположенном прямо на песчаном берегу и удобренном фукусом, выра-

щивали скороспелый сорт. Соленая вода то и дело заливала грядки, омывая корни и обнажая мелкие розовые клубни овальной формы. Девочка сидела, прислонившись к камню, наполовину скрытая ветками сосны. Бабушка присела неподалеку и стала лопаткой выкапывать клубни. Так она выкопала с десятков малюсеньких картофелин.

— Видишь, — сказала она Веронике, — посадили одну большую, а выросло много маленьких. А если немного подождать, они бы стали побольше.

Вероника бросила на бабушку быстрый взгляд из-под спутанных волос и снова отвернулась — какое ей дело до картошки и вообще до всего остального?

«Будь она постарше, хоть чуть-чуть, — подумала бабушка, — я сказала бы ей, что понимаю, как ей плохо. Вот так попадешь неожиданно-негаданно в спаянный круг, где на правах хозяев все ведут себя так, как они привыкли, как им удобно, как у них заведено, и не дай бог им почувствовать хоть малейшую угрозу сложившемуся порядку. Круг этот станет тогда еще теснее и неколебимее. Жизнь на острове, в которой всем определены свои роли, все имеет свое, и только свое, место, может показаться ужасной человеку со стороны. Она проходит согласно раз и навсегда заведенному ритуалу, на самом деле столь прихотливому и случайному, что можно подумать, будто мир кончается за горизонтом».

Бабушка так глубоко погрузилась в свои мысли, что забыла и о картофеле, и о Веронике. Она смотрела, как на полоску суши накатывали с двух сторон волны, подгоняемые ветром, и, слившись воедино, наступали на берег и снова отходили назад, оставляя после себя только маленькую спокойную лужицу. Вдруг во фьорде появилась рыбацкая лодка, по обе стороны от ее носа пенились большие белые усы.

— Эй! — окликнула бабушка Веронику. — Лодка плывет.

Она оглянулась в поисках девочки, но та совсем скрылась за сосной.

— Эй! — снова окликнула бабушка. — Сюда плывут пираты! Прячемся!

Не без труда бабушка тоже залезла под сосну и прошептала:

— Смотри, вот они. Идут сюда. Давай за мной, нужно перебраться в более безопасное место.

Она стала карабкаться вверх по горе, а за ней, на четвереньках, и Вероника, да так быстро, что только пятки сверкали. Они обогнули небольшую болотистую впадину, заросшую голубикой, и очутились в зарослях ивового кустарника — там было сыро, но куда деваться?

— Ну вот, — сказала бабушка, — теперь мы в относительной безопасности.

Она взглянула на Веронику и поправилась:

— То есть я хотела сказать, что теперь мы в полной безопасности. Здесь им никогда нас не найти.

— Почему ты решила, что это пираты? — шепотом спросила Вероника.

— Потому что они приплыли сюда и нарушают наш покой, — ответила бабушка. — Мы хозяева острова, а все остальные пусть убираются восвояси.

Вскоре рыбацья лодка уплыла. Вот уже полчаса София бродила по острову в поисках бабушки и Вероники, а когда наконец обнаружила их, как ни в чем не бывало собирающих колокольчики, то пришла в ярость.

— Где вы были? — закричала она. — Я вас всюду ищу!

— Мы прятались, — объяснила бабушка.

— Мы прятались, — повторила Вероника, — потому что мы не позволим никому нарушать наш покой. — И она, не сводя глаз с Софии, перебралась поближе к бабушке.

София ничего не сказала, только молча повернулась и убежала.

Остров вдруг показался Софии маленьким и тесным. Куда ни пойдешь, обязательно наткнешься на эту парочку, а когда они наконец скроются из виду, все равно приходится за ними следить, чтобы ненароком опять не встретиться.

Поднимаясь по ступенькам в свою комнату, бабушка почувствовала, как она устала.

— А теперь я хочу почитать, — сказала она Веронике. — Иди поиграй немножко с Софией.

— Нет, — ответила Вероника.

— Тогда поиграй одна.

— Нет, — снова сказала Вероника, и голос ее испуганно задрожал.

Бабушка принесла блокнот и угольный карандаш и положила их на крыльцо:

— Вот, нарисуй картину.

— Я не знаю, что нарисовать.

— Нарисуй что-нибудь страшное, — сказала бабушка, она ужасно устала. — Нарисуй что-нибудь самое страшное и постарайся не беспокоить меня сколько можешь.

С этими словами бабушка заперла дверь на крючок и легла на кровать, закрыв голову одеялом. Зюйд-вест с ровным гулом долетал с берега до середины острова, где как раз стояли дом и сарай.

София приставила к стене садок, забралась к окну и постучала в стекло: три раза быстро, без пауз, а затем еще трижды, но уже спокойно. Когда бабушка вылезла из-под одеяла и приоткрыла окно, София заявила, что выходит из тайного союза.

— Ну ее, эту Недотрогу! — сказала София. — Она меня больше не интересуется! Что она сейчас делает?

— Рисует. Самое страшное, что только можно придумать.

— Но она же не умеет рисовать, — возмущенно зашептала София. — Ты что, дала ей мой блокнот? Зачем ей рисовать, если она все равно не умеет?!

Бабушка захлопнула окно и легла на спину. Трижды появлялась София, каждый раз с новой ужасной картиной, которые она прикрепляла к оконному стеклу рисунком внутрь так, чтобы его можно было увидеть, находясь в комнате. На первой картине была изображена девочка с жидкими волосенками, по которой ползали огромные муравьи. Слезы лились у нее в три ручья. На второй прямо на голову той же девочке падал камень. На третьей было нарисовано кораблекрушение, но довольно небрежно. Бабушка поняла, что София уже выпустила пары. Когда бабушка снова открыла книгу и наконец нашла в ней место, на котором остановилась, в щель под дверь просунули еще один лист бумаги.

Рисунок Вероники был великолепен. Выполненный с маниакальной тщательностью, он изображал некое существо с черной дырой вместо лица. Существо это надвигалось, выставив вперед плечи, вместо рук у него были длинные, неровно обрезанные крылья, как у летучей мыши. Они начинались от шеи и волочились по земле с обеих сторон — то ли опора, то ли, наоборот, помеха этому не похожему ни на что бескостному телу. Чудище

было настолько ужасно и выразительно, что бабушка некоторое время стояла в оцепенении, а потом отворила дверь и закричала:

— Здорово! Вот это действительно страшный рисунок!

Она не могла от него оторваться, и в голосе ее не было ни снисходительности, ни поощрительных ноток.

Вероника сидела на ступеньке и даже не обернулась. Она подобрала с земли камешек и подбросила его в воздух, потом поднялась и медленными неловкими шагами стала спускаться к берегу. София наблюдала с крыши сарая.

— Что она там делает? — спросила бабушка.

— Бросает камешки в море, — сказала София. — А теперь пошла на мыс.

— Это хорошо. Иди сюда, посмотри, что она нарисовала. Ну как?

— Ничего, — ответила София.

Бабушка приколотла рисунок к стене двумя кнопками и сказала:

— Какое необычное изображение. Оставим теперь ее в покое.

— Ты считаешь, она умеет рисовать? — хмуро спросила София.

— Нет, — ответила бабушка, — может быть, и нет. Но она, несомненно, принадлежит к той породе людей, которые хоть раз в жизни достигают совершенства.

ЛУГ

София спросила, на что похож рай, и бабушка ответила, что, возможно, рай похож на этот луг. Они шли по лугу вдоль проселочной дороги и остановились, чтобы осмотреться. Было очень жарко, дорога потрескалась и побелела от палящего солнца, листья деревьев и трава вдоль обочины запылились. София и бабушка вышли на середину луга, где не было пыли, и сели в высокую траву, вокруг цвели колокольчики, кошачья лапка и лютики.

— И муравьи в раю есть? — спросила София.

— Нет, муравьев нет, — ответила бабушка и осторожно легла на спину, она надвинула шляпу на нос и попробовала украдкой вздремнуть.

Где-то вдали мирно и неумоимо тархтела какая-то сельская техника. Если отвлечься от ее шума, что не так уж трудно, и при-

слушаться к трескотне насекомых, то кажется, что их миллиарды и что они заполнили весь мир, нахлынув на него восторженной летней волной. София держала в руке цветы, их стебельки нагрелись и стали неприятными на ощупь, тогда она положила букет на бабушку и поинтересовалась, как же Бог успевает услышать всех сразу, кто обращается к Нему с молитвой.

— Он очень умный, — сонно пробормотала бабушка из-под шляпы.

— Отвечай как следует, — сказала София. — Как он все успевает?

— Наверное, у Него есть секретарь...

— Но как же Он успевает сделать то, о чем Его просят, если Ему некогда переговорить с секретарем, когда что-нибудь случается?

Бабушка притворилась было, что спит, но провести Софию не удалось, пришлось сочинять, что за время, пока молитва доходит до Божьего слуха, ничего страшного произойти не может. Тогда внучка спросила, как же Бог поступит, если, например, она обратится к Нему с просьбой о помощи на лету, падая с сосны.

— Тогда Он сделает так, что ты зацепишься за ветку, — нашла бабушка.

— Неглупо, — согласилась София. — Теперь твоя очередь задавать вопросы. Только чур — про рай.

— Как ты думаешь, все ангелочки летают в платьицах и никак не узнаешь, мальчик это или девочка?

— Глупо задавать такой вопрос, если ты и сама знаешь, что все ангелочки летают в платьицах. Теперь слушай, что я тебе скажу: если хочешь знать точно, мальчик это или девочка, надо подлететь снизу и посмотреть, не торчат ли из-под платьица брюки.

— Вот оно что. Теперь буду знать. Твоя очередь спрашивать.

— Ангелы могут залетать в ад?

— Еще бы! У них же там полно друзей и знакомых.

— А вот я тебя и поймала! — закричала София. — Вчера ты сказала, что ада вообще не существует!

Бабушка была раздосадована, она села и сказала:

— Я и сегодня так думаю. Но мы же сейчас говорим в шутку.

— Когда говорят о Боге, не шутят!

— И вообще, не мог Он создать такую никчемную вещь, как ад, — сказала бабушка.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕТНЯЯ КНИГА. <i>Перевод И. Смиренской</i>	5
ГОРОД СОЛНЦА. <i>Перевод Л. Брауде</i>	103
ЧЕСТНАЯ ИГРА. <i>Перевод Л. Брауде</i>	271
ПИСЬМА КЛАРЫ	
Письма Клара. <i>Перевод Л. Брауде</i>	351
Роберт. <i>Перевод Л. Брауде</i>	357
Августовским вечером. <i>Перевод Л. Брауде</i>	359
Заросли белых кувшинок. <i>Перевод Л. Брауде</i>	361
В поезде. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	366
Светская игра. <i>Перевод Л. Брауде</i>	372
Пиратский ром. <i>Перевод Л. Брауде</i>	378
Летней порой. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	383
Картины. <i>Перевод Л. Брауде</i>	387
О предупреждениях. <i>Перевод Л. Брауде</i>	398
Эммелина. <i>Перевод Л. Брауде</i>	401
Карин, мой друг. <i>Перевод Л. Брауде</i>	415
Путешествие на Ривьеру. <i>Перевод Л. Брауде</i>	427
ПОСЛАНИЯ	
Мои любимые дядюшки. <i>Перевод В. Андриановой</i>	443
Если в голову придет идея... <i>Перевод Л. Брауде</i>	454
Письма к Кониковой. <i>Перевод Л. Брауде</i>	456
Лодка и я. <i>Перевод Л. Брауде</i>	468

СОДЕРЖАНИЕ

День окончания художественной школы <i>Перевод В. Андриановой</i>	473
Беседа с Самуэлем. <i>Перевод В. Андриановой</i>	476
Дочь. <i>Перевод Л. Брауде</i>	481
Послания. <i>Перевод Л. Брауде</i>	485
ЗАПИСКИ С ОСТРОВА. <i>Перевод П. Лисовской</i>	491
БУЛЬВАР и другие тексты. <i>Перевод А. Лавруши</i>	
<i>Сирке Хаттонен. Предисловие</i>	541
Бульвар	543
Клише	548
Дитя города	553
Письмо	559
На пристани	568
Quatz' arts	573
Бородка	580
Снять комнату... ..	593
На Капри больше ни ногой!	599
Скрипка	608
Сан-Дзено Маджоре, одна звезда	614
Остров	624
Этот коварный детский писатель	629
Нехемульная история	634
Муми-дом, Муми-дол	639
Однажды в парке	644
<i>Сирке Хаттонен. Послесловие</i>	647